Danyluk Marina Yurevna, Cand. Sci. (History), associate professor of the Department "State and municipal management"; Rostov State Transport University (2, Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolcheniya ploschad', Rostov-on-Don, 344038, Russian Federation).
E-mail: danilyuk70@mail.ru
Voloshchenko Irina Ivanovna, candidate of sociological sciences, associate professor of the Department "State and municipal management"; Rostov State Transport University (2, Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolcheniya ploschad', Rostov-on-Don, 344038, Russian Federation).
E-mail: gmu@rgups.ru
Danyluk Alexander Aleksandrovich, student; Rostov State Transport University (2, Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolcheniya ploschad', Rostov-on-Don, 344038, Russian Federation).
E-mail: alex49482473@yandex.ru

EVOLUTION OF CONCEPTUAL APPROACHES IN THE DEVELOPMENT OF NATIONAL POLICY OF RUSSIA: HISTORICAL ASPECT

Abstract

In this article authors consider evolutionary stages in development of national policy of Russia, open the main conceptual approaches in its realization in a historical section of existence of the Russian multinational state. At present, one of the topical issues is the problem of further developing and implementing the national policy of the state. The conceptual basis of this policy should meet the requirements of society's modernization and correspond to the parameters of a multi-ethnic Russian state.

Keywords: *national policy of Russia, ethnic question, nation, nationality, ethnopolicy.*

УДК 32 DOI: 10.22394/2079-1690-2017-1-2-126-131

СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ «ЭСТАФЕТЫ ПОКОЛЕНИЙ» В ЭЛИТОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Дзахова Лариса Хасановна доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социально-политических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова (362025, Россия, РСО-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46).
E-mail: ldzahova@mail.ru

Аннотация

Статья проблематизирует современную концепцию «эстафеты поколений» в элитологическом измерении, рассматривает современную ситуацию межпоколенческого разрыва как детерминанту смены политических элит.

Ключевые слова: *общество, политика, управление, элитология, смена элит, теория поколений.*

Если рассматривать элиту (управляющее властвующее меньшинство) и массы (пассивное управляемое большинство) не только как философскую абстракцию, а подразумевать под ней реальную социальную демографическую базу – реальный слой населения, реальных людей с определенным мировоззрением и присущими ему мотивами, ориентациями и ценностями, то концептуальная база элитологии может быть эффективно дополнена концептом «поколение». Феномен смены элит в этой связи может быть рассмотрен как феномен смены поколений элит, а поколенческие маркеры могут послужить инструментом для выявления циклов смены поколений элит, специфики межпоколенческой преемственности и трансляции, моделирования эффективного взаимодействия в системе «элита-массы» и межэлитного взаимодействия.

Как известно, социологию поколений развивал К. Мангейм. В работе «Проблема поколений» он анализирует два основных подхода (позитивистский и историко-романистский) к проблеме поколений и выдвигает два критерия принадлежности людей к одному и тому же поколению: примерно одинаковый возраст и жизненный опыт[4]. Схожесть мышления в рамках одного и того же поколения обусловлена схожестью жизненного опыта этих людей.

Тема конфликта поколений, проиллюстрированная в исторических протестных событиях – волнениях молодежи в 60-х–70-х годах нашла отражение в работах С. Липсета «Восстание

в университете» (1972), Л. Фойера «Конфликт поколений. Характер и значение студенческого движения» (1969), Ж. Манделя «Кризис поколений» (1969), и т. д. Но наибольшую популярность теория поколений получила в трудах Нейла Хоува и Вильям Штрауса в 1991 году [11] и породила своеобразный бум теоретических и прикладных исследований в гуманитарных науках. В работах на эту тему приводятся не только теоретические доводы, но и результаты апробации и верификации теории на примере социально-политической истории таких стран, как США, ЮАР, Канада.

Следует отметить, теория поколений подвергается обоснованной критике, а сам концепт «поколение» нередко называют стереотипом поп-социологии, который не учитывает индивидуальную неоднородность представителей одного и того же возраста, а также параметры самоидентификации и т.д. Принимая во внимание данную критику, обратимся к рассмотрению так же эвристического и методологического потенциала концепта «поколение» применительно к теме нашего исследования.

Итак, Хоув и Штраус на примере американской социально-политической истории продемонстрировали содержательную взаимосвязь между основными историческими событиями и ценностными ориентациями социально и политически активного поколения, на которое данные исторические события повлияли. Кроме того, исследователям удалось выделить, как типы поколений, их ценностные и поведенческие модели, так и своеобразные циклы превращений, характерные для каждого поколения и закономерности межкпоколенческого взаимодействия. Так, учеными были выделены американские поколения XX века в хронологическом порядке:

«Кочевники (лето)», г.р. между 1883 и 1900гг., так называемое «потерянное поколение», поскольку в юности были призваны на фронт, а после войны не нашли себя в социальной жизни и быстро сошли с общественной сцены. «Герои (осень)» это поколение сформировалось во времена Великой депрессии, так называемое «поколение солдат» Второй мировой войны. «Художники (зима)», поколение, сформированное в тяжёлые годы и терпеливо живущее в режиме дисциплины и экономии – «молчаливое поколение». «Пророки (весна) - Поколение «беби-бумеров», для которого характерен оптимизм и настроение подъема, желание работать на светлое будущее детей и внуков.

Хронологически эстафета поколений выглядит так: GI (1900-1923), Молчаливое (1923-1943), Беби-Бумеры (1943-1963), X (1963-1984), Миллениум или Y (1985-2003), Z (2004-).

Указанный цикл в истории, как считают Хоув и Штраус, постоянно повторяется. Это означает, что на смену жизнелюбивым «беби-бумерам» снова должно прийти поколение «кочевников» и т.д., ищущее свое место в жизни, и повторить цикл развития и превращений, характерный для каждого из поколений. Примечательно, что те, кто родился между поколениями относятся к так называемому переходному «эхо-поколению». Они обладают ценностями и той, и другой поколенческой эпохи.

В целом, можно сделать вывод, что Хоув и Штраус исходят из посылки, что общие социокультурные реалии и исторические события (например, война, голод, революция, постиндустриализация и т.д.) формируют в определенной возрастной группе общие мировоззренческие ориентиры. Усвоенные в возрасте до 12 лет эти ориентиры образуют основу мировоззрения, которое с разными индивидуальными вариациями архетипически воспроизводится (нередко на неосознанной уровне) в рамках этой ценностно-возрастной группы. В свою очередь определённые ценности и модели поведения с достаточной степенью вероятности приводят к определенным историческим событиям: демографическим взрывам, протестным молодежным движениям, революциям, социальным подъемам, стагнациям и депрессиям. Понятие «поколение» поэтому подразумевает хронологическую общность, а также общность исторической судьбы, мировоззрения, сознательных и бессознательных установок, которые и образуют фундамент идентичности в рамках одного поколения.

Примечательно, что хотя хронологические рамки (года рождения поколений и примерный период их полного цикла превращений в 80 лет) имеют теоретико-методологическое значение, основные поколенческие маркеры лежат в области ценностей, мотивов, моделей решения проблемных ситуаций. Поэтому в лексиконе данной теории много философско-культурологических, психологических концептов, таких, например, как «архетип», а также органических метафор сезонных природных циклов рождений и превращений каждого поколения («осень, зима, весна лето»).

Согласно исследованиям Юрия Левады, в российской истории поколения могут быть выделены в связи с особенными переломными историческими эпохами и событиями: «1905-1930 –

революционный перелом; 1930-1941 – «сталинская» мобилизационная система; 1941-1953 – военный и послевоенный период; 1953-1964 – «оттепель»; 1964-1985 – «застой»; 1985-1999 – «перестройка»» [3,4].

Данные проекта свидетельствуют об очень низкой динамики смены советского-постсоветского менталитета: вплоть до 2003 года россиянин, как подтверждает статистика, остается по своему социально-политическому типу человеком советским, т.е. активное население России продолжает мыслить и делать так, реагировать и интерпретировать события (в том числе политические) так, как делали советские люди. Вместе с тем, очевидно, что в контексте увеличения темпа социального времени, социальная динамика смены менталитета последних десятилетий также усиливается, что и фиксируют многие современные исследователи на уровне наличия поколенческого разрыва между так называемым поколением Х и предыдущими и последующими поколениями.

Для современного политика, как нам представляется, немаловажным может оказаться знание о том, сколько активных поколений на современном рынке труда; какие ценностные ориентиры и ожидания у тех поколений, которые придут голосовать на следующих выборах; какие формы взаимодействия и каналы общения (очная встреча или интернет, публичный блог или закрытая группа в соцсети и т.д.) элиты с представителями тех или иных поколений адекватны современным социально-политическим реалиям и запросам. Современные теоретические и прикладные проекты, основанные на теории поколений – это знания и данные, которые могут оказать реальную помощь политику в формулировании адресных политических обещаний и формировании исторических перспектив.

Для современного политолога, в свою очередь, немаловажно учитывать в элитологическом анализе, например, представители какого поколения в настоящее время наиболее представлены во власти (это можно выявить, на примере поколенческого анализа действующих губернаторов, меров и т.д.); какое наследие и какие принципиально новые ценностные ориентиры будут характерны для следующего поколения элиты и электората; каковы тенденции современной политической культуры с учетом смены и повторяемости цикла поколений и поколенческих маркеров и т.д.

Опираясь на работы Т. Шанина[10], можно выстроить эстафету российских поколений, определяя в качестве основного «поколенческого шага» период приблизительно в 15 лет. Соответственно в российской истории XX века можно выделить следующие поколения и события их наиболее активной социализации:

1910–1925: Фронтовики. Основные определяющие мировоззрение события: Революция, война. Поколение, которое познало террор и войну, но и воспитало в окопах собственное человеческое достоинство победителя.

1925–1940: Шестидесятники. Основные определяющие мировоззрение события: Оттепель. Это во многом поколение романтиков, поверившее в весенние дыхание свободы, пропевшее ее гимн, но мало что изменившее в реальной социополитической действительности.

1940–1955: Семидесятники, «поколение застоя». Основные определяющие мировоззрение события: относительно мирная «брежневская» эпоха правления, безыдейность и политическое лицемерие, потребительские ориентации.

1955–1970: Поколение перестройки. Основные определяющие мировоззрение события: перестройка, распад СССР, свобода как свобода импорта, а не духа. Многие исследователи отмечают, что романтику шестидесятников данное поколение не унаследовало, а вот деструктивные настроения со временем заняли место в мировоззрении представителей данного поколения.

1970–1985: Разочарованное поколение, поколение безыдейных циников. Основные определяющие мировоззрение события: «лихие 90 - е», приватизация. Данные события сформировали в этом поколении, как отмечают многие исследователи, вместо возмущения «беспределом» мотив быстрого обогащения и зависти к богатым и власть имущим.

1985–2000: Потерянное поколение. На это поколение возлагались надежды как на первое по-настоящему постсоветское «поколение свободы», которое возможно станет новой революционной элитой и по-настоящему реформирует страну. Основные определяющие мировоззрение события: нефтяной и потребительский бум, перерождение авторитарного режима в неототалитарный.

На практике многие социологи отмечают, что это поколение стало поколением внутренней и внешней эммиграции, поколением лишних людей, образующих демографическую базу для разных, обещающих все и сразу, политических движений. В этом поколении социологи

обнаруживают тенденции к еще большей консьюмеризации и потребительству, а также агрессивность и политическую инфантильность.

2000–2015: Поколение без будущего. Это поколение одновременно является, как ни парадоксально, тем самым поколением будущего, которое унаследует российскую историю и построит новые реалии. Это поколение формируется в тяжелые эпические времена, а потому исследователи возлагают на него надежды как на поколение гигантов, которое будет способно на подлинный нравственный выбор и реализацию собственного видения общественно политического устройства России. Это поколение должно стать ведущими агентами политической жизни в период примерно между 2020 и 2025 годами, когда современный политический режим переживет свой апогей и будет доступен для радикального реформирования [5].

«Из всего вышесказанного вытекает один весьма унылый вывод: серьезного сдвига в общественной жизни России следует ожидать скорее после 2020–2025 годов. До этого времени не сформируется субъект социального действия, способный продавить какие-либо перемены. Поколения 1955–1970 и 1970–1985 годов сами являются демиургами существующего статус-кво, а поколение 1985–2000 годов не оправдало возлагавшихся на него надежд, отравившись испарениями «совка». Поэтому так велико значение поколения 2000–2015, за которое, по моим представлениям, сейчас должна начаться самая серьезная борьба. Конечно, все может случиться и ранее, если мировой кризис все-таки перейдет из вялотекущей формы в активную или если правящий режим допустит серьезную ошибку, спровоцировав революцию. Но это вряд ли пойдет России на пользу, потому что революция в стране, где нет силы, способной ее подхватить и возглавить, придав ей четкий вектор, протекает особенно болезненно» [5].

Данные выводы, безусловно, во многом являются результатом не только научного анализа, но социально—политического настроения автора данной цитаты. Но с главным выводом указанного автора, изменив акцент, можно согласиться: в России формируется реальная политическая сила, которая будет способна после 2020 года реально возглавить масштабные процессы социально политического строительства. Это сила молодая активная, знающая свои приоритеты. Тем самым, применительно к теме нашего исследования, можно сделать вывод, что одной из значимых социально политических детерминант феномена смены элит выступает детерминанта смены поколений и межпоколенческого разрыва, которая позволяет предположить в будущем (после 2020 года) развитие России и международной политической жизни в целом под руководством радикально новой по своему качеству элиты, которая станет проводником ценностей «эпохи нового идеализма» в политике.

Приведем также в качестве обоснования и иллюстрации теоретико-методологического потенциала применения концепта «поколение» результаты современного сетевого проекта «RuGenerations». Исследователи «RuGenerations» пытаются проверить на практике, проследить содержательные взаимосвязи между тем, к какому поколению относится политический руководитель и на основании какой ценностной системы он действует. Это делает не только относительно понятной и предсказуемой политику, проводимую преимущественно представителями одного и тоже поколения, но и позволяет составить долгосрочный прогноз на тему последователей и наследователей данной политики и соответствующей ей системы ценностных ориентаций, а также сопоставить российские и общемировые тенденции.

В частности, в рамках проекта «RuGenerations» был проанализирован поколенческий состав губернаторов России в сравнении с составом губернаторов в США. Выводы были сделаны следующие:

«Среди российских губернаторов больше представителей поколения Беби-Бумеры – 43 человека (52,4%), а в США максимальное число относится к переходному поколению «Молчаливое – Беби-Бумеры» – 44,2%. Именно эти поколения находятся у власти и формируют «правила игры» в обоих странах. (И эта одна из причин почему, на наш взгляд, ценности этих поколений стоит изучать представителям поколений X и Y).

В России возраст губернаторов варьируется значительно больше, чем в США. Разница между самым старшим и самым молодым губернатором в России 42 года, а в США – 31 год. (В России самый старший – М.Рахимов – 1934 г.р., Республика Башкортостан, а самый молодой – Р.Кадыров – 1976 г.р., Чеченская Республика. В США самый старший из губернаторов штатов T.Kulongoski – 1940 г.р., Орегон, а самый молодой B.Jingdal – 1971 г.р., Луизиана.) Есть периоды, в которые родилось наибольшее количество губернаторов. В России вокруг приблизительно 1952 и 1962 года. В США вокруг приблизительно 1946 и 1956 года. Для прояснения того, почему именно эти периоды являются наиболее «урожайными» (может быть запаздывание сроков

появления поколений в России по отношению к США, особенности политической системы, закономерность не проявляется в глобальном масштабе и т.п.) необходимо взять для анализа данные еще по нескольким странам. Однако можно сказать, что, по крайней мере, в России и США есть «волны» губернаторов, с близкими ценностями. В США среди губернаторов штатов есть 7 женщин (Janice Brewer – Arizona, M.Jodi Rell – Connecticut, Bev Perdue – North Carolina, Chris Gregory – Washington, Katheline Sibelius – Kansas, Linda Lingle – Hawaii, Sarah Palin – Alaska). В России в настоящий момент всего одна женщина, глава города федерального значения – В. Матвиенко. Таким образом, в США среди губернаторов 13% женщин, а в России – 1%»[8, 9].

Если теперь сопоставить приведенные данные проекта (указаны 1952, 1962 г.г. как годы рождения наибольшего числа российских губернаторов) со второй типологией, то получается, что губернаторы «беби-бумеры» в России это еще и представители «поколение застоя» и «поколения перестройки». Значит наряду с активизмом, оптимизмом, коллективизмом «бумеров» это поколение политиков должно также ценностно допускать лицемерное, ханжеское отношение к закону и власти, потребительство, что не исключает злоупотребление властью в личных целях, использование «непарламентских» методов политической борьбы и т.д. Если продолжить сравнение и аналогию, то Россию еще ждет, как минимум, становление двух поколений циничных, потерянных и разочарованных элит, ориентированных на личную выгоду и сегодняшний день, а не на стратегические перспективы социального организма. И двух поколений последователей, электората, не верящего в эффективность легальных политических процедур, инфантильных и пассивно-агрессивных. Вместе с тем, согласно классической типологии Хоува и Штрауса на смену беби-бумерам всегда приходят кочевники, ищущие адекватные модели интерпретации реальности и место в жизни. Это как минимум означает, что ценности старшего поколения элит будут подвергнуты пересмотру и критике и не исключает, что к власти придут более взвешенные в своих оценках молодые элиты.

Немаловажно, что современная диффузия элит и эстафета поколений происходит более интенсивно, чем в XX веке. Социальные лифты во власть, включая виртуальные технологии политической борьбы и участия, доступны представителям разных поколений, что расширяет социальную базу рекрутирования элиты и возможности межпоколенческого взаимодействия.

Разумеется, здесь так же речь идет о теоретическом моделировании элитогенеза, о создании своеобразного идеального типа «поколение элиты», который не обязательно должен иметь реальный прототип в политической действительности. Но, согласимся, что используя креативные возможности концепта «поколение» можно эффективно моделировать политические процессы эстафеты поколений и смены элит.

Литература

1. *Крыштановская О.В.* Анатомия российской элиты. М., 2005.
2. *Левада Ю.* "Человек советский" - публичные лекции на "Полит.ру" Эл. ресурс. Режим доступа: URL: http://www.polit.ru/article/2004/04/15/levada/
3. *Левада Ю.А.* Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5 (55). Эл. ресурс. Режим доступа: URL: http://ps4ux.com/ http://www.polit.ru/article/2004/04/15/levada/
4. *Мангейм К.* Проблема поколений // Новое литературное обозрение, 1998. № 2 (30).
5. *Пастухов В.* Теория о поколениях России: от «фронтовиков» — к «поколению без будущего» и дальше. //Новая газета 18-07-2015. Эл. ресурс. Режим доступа: URL: URL: http://www.novayagazeta.ru/comments/69250.html
6. Поколение в социокультурном контексте XX века : [сб. ст. / Рос. акад. наук, Науч. совет "История мировой культуры", Комис. междисциплинар. исслед. худож. деятельности, Гос. ин-т искусствознания ; отв. ред. Н. А. Хренов]. - М.: Наука, 2005. - 631 с.
7. Российская элита – 2020. Аналитический доклад грантополучателей международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2013.
8. *Шамис Е.* Кто управляет регионами? Россия vs США //RuGenerations. Проект Теории Поколений (Generation Theory) в России. Эл. ресурс. Режим доступа: URL: https://rugenerations.su/%d0%ba%d0%be%d0%bd%d1%82%d0%b0%d0%ba%d1%82%d1%8b/
9. *Шамис Е., Антипов А.* Теория поколений // Маркетинг Менеджмент. 2007. №6. Эл. ресурс. Режим доступа: URL: http://old.e-xecutive.ru/publications/specialization/newfolder8086/article_5457/

10.*Шанин Т.* История поколений и поколенческая история России. Эл. ресурс. Режим доступа: URL: http://polit.ru/article/2005/08/09/shanin/
11.*How N., Strauss W.* Millennials Rising: The Next Great Generation. 2000.

***Dzachova Larisa Hasanovna*,** Doctor of Political Science, Head of the department of philosophy and socio-political sciences; North-Ossetian state university of name K.L. Khetagurova (44-46, Vatutin St., Vladikavkaz, RSO-Alania, 362025, Russian Federation).
E-mail: ldzahova@mail.ru

THE MODERN CONCEPT OF «RELAY RACE OF GENERATIONS» IN ELITOLOGICHESKOM DIMENSION

Abstract
The article problematizes the modern concept of "relay race of generations" in elitologicheskom dimension, considering the current situation as a determinant of intergenerational divide political elites change.
Keywords: *society, politics, management, elitology, elite change, generational theory.*

УДК 323 DOI: 10.22394/2079-1690-2017-1-2-131-137

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ТРАНСКОНФЛИКТНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ЮГЕ РОССИИ: ОЦЕНКА НАПРЯЖЕННОСТИ В РЕГИОНАХ*

Коркмазов Артур Русланович кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160).
E-mail: korkmazov87@mail.ru

Ароян Ашхен Сергеевна кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70).
E-mail: ashkhen-aroyan@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируются направления изменения идентичности представителей этнических групп на Юге России, изучается процесс возрождения этнического самосознания в России, рассматривается рейтинг межэтнической напряженности регионов Российской Федерации, изучаются причины возникновения межэтнических конфликтов и столкновений, рассмотрена этническая структура трансконфликтного региона. На основании изученных материалов авторами делаются выводы о возможных направлениях и перспективах развития межэтнической напряженности в регионах Российской Федерации.

Ключевые слова: *регион, межэтническая напряженность, диаспоры, межэтнические столкновения, эскалация, самосознание, «русификация», этническое сознание.*

Изучению проблем изменения межэтнического взаимодействия и перспектив развития этнических групп Российской Федерации посвящено множество научных трудов. Однако, как и со многими другими социальными концепциями, здесь сосуществуют различные, даже порой противоречащие друг другу позиции. Для ряда ранее проведенных, в основном зарубежными советологами, исследований характерна чрезмерная политизация проблемы, поскольку в качестве важнейшего объекта изучения в них рассматривается влияние политической сферы, а именно национальной политики Российского государства, на развитие этносов. Важность изучения влияния управленческого фактора на развитие этнокультурной сферы несомненна

* Статья выполнена в рамках внутреннего гранта ЮФУ № ВнГр-07/2017-22 «Трансконфликтные регионы как феномен геополитической конкуренции: социальные риски и ресурсы адаптации к гуманитарным вызовам».